

Николай Кашцев

КАРАТЕЛЬНАЯ ВЕНЕРОЛОГИЯ?

Позади год тяжелых предчувствий и робких надежд. Год экономическо-го кризиса, грозящего крахом. Но и у этой поры есть свое горькое величие. Пришло время очищения от лжи, превращенной в ритуал, избавления от страха, вечно обитающего в миллионах душ. Набрала разбега эпоха массовых реабилитаций жертв сталинского террора. Уже виден конец этого грандиозного мероприятия, развернутого по знаку «сверху». Мало того, вот-вот грянет реабилитация противников брежневско-андроповского режима, узников 60—80-х. На фоне этих событий и ожиданий из общественного внимания незаметно выпали судьбы заключенных хрущевских политлагерей.

Едва ли многие помнят, что палаческая 58-я статья ломала человеческие судьбы вплоть до 59-го. Тогда, в годы «оттепели», за решетку попадали смельчаки, осужденные не за вымышленные чинами НКВД преступления, а за реальные нарушения идеологических запретов. Через 10—15 лет людей такого склада стали называть диссидентами. В их числе был и Николай Родионович Лунев.

РАСКУЛАЧЕННЫЕ ПОВТОРНО

Он родился в 32-м году в спецпоселке Симоновка Томской области в семье «кулаков»-спецпереселенцев. Трудолюбивые родители Лунева к 37-му довели семейный достаток с грани жизни и смерти до такого уровня, что были раскулачены повторно. Однако главной причиной очередной расправы над крестьянскими тружениками было не кажущееся адской работой добро, а отказ вступить в колхоз, насаждавшийся в районе их ссылки. Так пятилетний Коля был впервые репрессирован Советской властью.

Минуло голодное детство. Николай, мечтавший стать летчиком, поступил в Павлодарскую военно-авиационную школу. Правда, для этого ему пришлось утаить свое «соцпроисхождение». Однажды курсант Лунев после отбоя был застигнут нетрезвым офицером охраны на свидании с девушкой. В ответ на брань и унизительный толчок коленом Лунев оказал сопротивление «блестителю порядка» и попал под трибунал. Сокрытие «кулакского» прошлого дорого обошлось Николаю и стало еще одним пунктом обвинения.

Луневу запомнилось, как молодой адвокат-казах просил суд учесть отличную успеваемость подсудимого и не давать ему больше, чем потребует прокурор. В результате такой «защиты» Лунев получил 6 лет лагерей. После обжалования приговор был смягчен до 3 лет. Через год и семь месяцев Николай освободился «по зачетам».

Однако на него уже готовилось новое дело по материалам лагерной переписки с бывшими сокамерниками. В январе 58-го Лунев был под-

нят с больничной койки и этапирован в Иркутск. Следователь местного КГБ Кулешов долго обрабатывал автора крамольных писем, добывая показания против малознакомого Лунева человека по фамилии Нехаев, бывшего узника сталинских лагерей. Лунев имел мужество отказаться от лукавого предложения «оговор в обмен на свободу».

Николай сделал свой выбор и был судим за то, что «в извращенной антисоветской форме излагал советскую действительность, клеветал на советскую демократию, клеветал на советскую законность и проводимую советским государством карательную политику», а также «восхвалял действия контрреволюционеров в Венгрии и осуждал политику Советского правительства по этому вопросу». В итоге Лунев был осужден к пяти годам лагерей с последующим поражением в правах на три года. На сей раз срок пришлось отбывать полностью.

После освобождения из мордовской политзоны Николай занялся писательским трудом, размышлениями и распространением «запрещенной литературы»: Всеобщей декларации прав человека, книг и статей А. Солженицына, А. Сахарова, материалов о процессах над диссидентами. В 70-м он переехал в Ростовскую область, чтобы находиться ближе к возникшим центрам политического инакомыслия. В 71-м начинающий литератор посетил Александра Солженицына, дача которого была постоянно взята в кольцо наблюдателями от КГБ.

В 72-м органами ростовского УКГБ у Лунева была изъята упомянутая «запрещенная литература», рукописи собственных произведений и дневники, а сам он был отправлен в бессудную ссылку по месту жительства родителей в Томскую область. Данная под угрозой ареста подписка, в которой Лунев обязывался проживать в сибирской глубинке, заканчивалась словами: «Претензий к ростовскому УКГБ не имею».

ВНЕЗАПНЫЙ ДИАГНОЗ

До 87-го Лунев жил в поселке лесосплавщиков «Красноярский рейд», чувствуя за собой надзор «компетентных органов». Поселок подлежал ликвидации в связи с прекращением молевого сплава по реке Четь, и Лунев собрался переселиться в Томск. В канун переезда, весной 87-го, у него был внезапно диагностирован сифилис.

Это случилось действительно неожиданно. Ранее Лунев много раз был донором и за предыдущие 10 лет не менее 10 раз сдавал кровь на соответствующую проверку, так как часто госпитализировался по разным поводам и проходил амбулаторные

медицинские обследования. С точки зрения венерологии всегда все обстояло благополучно.

Насторожило Лунева и то, что женщина, состоявшая с ним в брачных отношениях более 20 лет, была признана здоровой и вызвала у врачей подозрительно слабый интерес. Ряд анализов, сданных им на протяжении 87-го года без ведома томских венерологов, дал отрицательный результат на сифилис. Кроме того, медсестра Зырянской больницы, в которой у Лунева впервые была выявлена положительная микрореакция, по секрету сообщила ему, что анализ был подделан.

Итогом активных действий Лунева, его обращений в различные учреждения и инстанции явилось изменение первоначальных скрываемых данных. 87 — ранний врожденный сифилис, 16.06.87 — поздний врожденный сифилис, 22.07.87 — неведомый сифилис скрытый.

Убежденный в фальсификации диагноза, Лунев никогда не получал лечения от сифилиса и не прибегал к самолечению. Через 10 дней после получения присланного из Томского кожвендиспансера анализа крови, положительного на сифилис, 26 ноября 87-го он в установленном порядке сдал кровь как донор на областной станции переливания крови и сообщил об этом врачам областной клинической больницы, где лечился по поводу остеохондроза и ишемической болезни. Ответных мер не последовало.

Между тем официальное заключение о заболевании Лунева подтвердили новосибирские венерологи и специалисты Центрального кожно-венерологического института, почти текстуально повторившие заключение томских коллег.

В декабре того же года Николай Родионович обследовался в неврологической клинике Томского медицинского института. «Лечащий врач трижды по его просьбе сдавал кровь на анализы одновременно под фамилией Лунев и другой, вымышленной. И трижды их результаты расходились, хотя кровь была взята из одной вены. Положительными из ОКВД возвращались только анализы Лунева. Однако вскоре «покровитель» Лунева понял, что ввязался в скверную историю, и отказал своему пациенту в поддержке».

Словом, перечень диагнозов, выставленных Николаю Родионовичу, пополнился еще одним: хроническая цереброспинальная нейроринфекция (специфическая). Такой вывод был сделан без исследования спинномозговой жидкости пациента, который отказался от пункции, изверившись в своих врачах.

Отъезд из Томска в село Зырянское в 88-м положил конец нерво-трепке. Семья Лунева распалась, он вступил в новый брак и более к лечению не привлекался. (Ему была

диагностирована незаразная форма заболевания).

По инициативе правозащитной секции общества «Мемориал» и комиссии по правам человека Томского облсовета в июле этого года бывший узник совести был всесторонне обследован в Литовском республиканском кожвендиспансере, независимом ныне от Минздрава СССР. Лунев прошел различные анализы, включая наиболее чувствительные — РИФ и РИБТ. Никаких следов сифилиса выявлено не было.

КТО ЗА КУЛИСАМИ?

Причиной своих злоключений Лунев считает стремление органов КГБ, во исполнение неизвестной ему инструкции, предотвратить его переезд в город на сельской местности Ростовского УКГБ. Постановка на венерологический учет позволяла контролировать все передвижения Лунева.

Если случаи злоупотребления психиатрией с подачи КГБ получили сегодня широкую огласку, то о венерологии этого нельзя сказать. Тем не менее в 82-м году прецедент такого рода имел место в Москве, когда лишь вмешательство друзей спасло активиста диссидентской группы «Доверие» Николая Храмова от венерологического клейма.

Если бы Лунев был объявлен душевнобольным, этот ход «органов» выглядел бы вполне традиционным. Однако он не состоял и не состоит на психиатрическом учете. Лунев полагает, что идея представить его сифилитиком возникла у режиссера фабрикация неспроста. В записной книжке, изъятой у него ростовскими чекистами в 72-м, была записана версия о сифилисе головного мозга у Ленина. По мнению Лунева, именно эта запись 16-летней давности стала прологом его несчастия в 87-м.

Подведем итоги этого венерологического детектива. Он останется без развязки, пока место догадок не займут аргументированные ответы на ряд повисших в воздухе вопросов. Приведем лишь некоторые из них.

Как, например, объяснить чехарду положительных и отрицательных серологических микрореакций на сифилис в анализах Лунева в течение одного года? Почему противоречат друг другу анализы, сделанные практически одновременно в лаборатории томского ОКВД и на областной станции переливания крови? (Автор этих строк имел возможность слышать их результаты, аккуратно собранные самим Николаем Родионовичем).

Итак, политзэк 50-х Николай Лунев задвинул, что стал жертвой злоупотреблений венерологией в политических целях. Обвинение брошено. Последует ли ответ?